

ВЕСТНИК ОМСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

HERALD OF OMSK UNIVERSITY

Редакционный совет Editorial board

Г.Д. Адеев (G.D. Adeev), д-р физ.-мат. наук, проф.
В.И. Вершинин (V.I. Vershinin), д-р хим. наук, проф.
Г.И. Геринг (G.I. Gering, chairman), д-р физ.-мат. наук, проф., председатель
Л.А. Еловиков (L.A. Elovikov), канд. экон. наук, проф.
А.И. Казанник (A.I. Kazannik), д-р юрид. наук, проф.
Е.И. Лавров (E.I. Lavrov), д-р экон. наук, проф.
Б.И. Осипов (B.I. Osipov), д-р филол. наук, проф.
В.И. Струнин (V.I. Strunin, vicechairman), д-р физ.-мат. наук, проф.,
зам. председателя
Н.А. Томилев (N.A. Tomilov), д-р ист. наук, проф.
К.Н. Югай (K.N. Yugay), д-р физ.-мат. наук, проф.

Редколлегия журнала Editorial staff

Ю.В. Балакин (Yu.V. Balakin), канд. ист. наук, доцент
С.П. Бычков (S.P. Burchkov), канд. ист. наук, доцент, отв. секретарь
И.К. Берникова (I.K. Bernikova), канд. пед. наук, доцент
И.А. Ветренко (I.A. Vetrenko), д-р социол. наук, проф.
Г.Г. Галич (G.G. Galich), д-р филол. наук, проф.
Г.И. Геринг (G.I. Gering, editor in chief), д-р физ.-мат. наук, проф.
А.В. Глотов (A.V. Glotov), д-р мед. наук, проф.
О.А. Голованова (O.A. Golovanova), д-р геол.-минерал. наук, проф.
Л.И. Дементий (L.I. Dementiy), д-р психол. наук, проф.
С.С. Ефимов (S.S. Efimov), канд. техн. наук, доцент
Е.В. Исаева (E.V. Isaeva), д-р экон. наук, доцент
Н.П. Мони́на (N.P. Monina), канд. филос. наук, доцент
Е.Л. Невзгодина (E.L. Nevzgodina), канд. юрид. наук, проф.
Н.В. Орлова (N.V. Orlova), д-р филол. наук, проф.
В.С. Половинко (V.S. Polovinko), д-р экон. наук, проф.
В.И. Разумов (V.I. Razumov), д-р филос. наук, проф.
В.А. Романьков (V.A. Romankov), д-р физ.-мат. наук, проф.
А.В. Свешников (A.V. Sveshnikov), канд. ист. наук, доцент
С.А. Соловьев (S.A. Soloviev), д-р биол. наук, доцент
В.И. Хомяков (V.I. Homjakov), д-р филол. наук, проф.
В.М. Шкарупа (V.M. Shkarupa), канд. филос. наук, доцент
К.Н. Югай (K.N. Yugay), д-р физ.-мат. наук, проф.

Ежеквартальный
научный журнал
ОСНОВАН В 1996 г.

2013. № 3 (69)

Quarterly
academic periodical
FOUNDED IN 1996

Включён в перечень ВАК

*Учредитель
ФГБОУ ВПО «ОмГУ
им. Ф.М. Достоевского»*

*Адрес редакции и издателя:
644077, Омск-77, пр. Мира, 55а,
ОмГУ им. Ф.М. Достоевского
тел. (3812) 64-88-28
vestnik@omsu.omskreg.ru*

*Гл. редактор
Геннадий Иванович Геринг*

*Редактор
С.А. Рыбалко*

*Технический редактор Е.В. Лозовая
Дизайн обложки З.Н. Образова*

*Свидетельство о регистрации
средства массовой информации
ПИ № 77-13169 от 22 июля 2002 г.
выдано Министерством РФ
по делам печати, телерадиовещания
и средств массовых коммуникаций*

*Объединенный подписной каталог
«Пресса России».
Индекс 53087*

*Издательство ОмГУ
им. Ф.М. Достоевского
644077, Омск-77, пр. Мира, 55а*

*Дата выхода в свет 30.09.2013
Ризография. Формат 60x84 1/8.
Усл. п. л. 32,2. Печ. л. 34,6.
Уч.-изд. л. 36,9.*

Тираж 150 экз. Заказ 228.

ГОВОР ЧЕХОВ СРЕДНЕГО ПРИИРТЫШЬЯ: ГЕНЕЗИС И СВОЕОБРАЗИЕ

Рассматриваются некоторые фрагменты фонологической, морфологической и синтаксической системы говора представителей чешской диаспоры, живущих в трех населенных пунктах Омской области Российской Федерации, которая возникла вследствие переселения части чешских крестьян с юга Украины в Сибирь в начале XX в. Показано, что их говор демонстрирует хорошее сохранение особенностей исходных для него северо-восточных чешских диалектов; с другой стороны, под влиянием первоначально украинского, а позже русского языка он развил такие черты, особенно на синтаксическом уровне, которые отражают определенное изменение языковой картины мира его носителей в направлении ее сближения с русской.

Ключевые слова: чешская диаспора в России, переселение крестьян, северо-восточные чешские диалекты, среднеприиртышский чешский говор.

Говор потомков чешских переселенцев в Западной Сибири, проживающих на территории Репинского сельского поселения Калачинского района Омской области (деревни Репинка, Новоградка, Воскресенка), а также в самом городе Омске, до сих пор оставался неизвестным широкой лингвистической общественности. О существовании этой чешской общины в России автор данной статьи узнал из работы М. А. Харламовой «Этническая самоидентификация и ее показатели в диалектном тексте», в которой, в частности, сообщается:

«В силу различных причин на территории Омской области оказались представители западославянских языков – чехи, поляки. В Сибирь чехи приехали не из Чехии, а уже с Украины <...>: *Аткуда ани были? с-украины аткуда-то // худо жыли наверна да ховорят где-то ф-сыбири харашо жыть / земли многа / ну-и-так астались тут // здесь-вот дирзня / здесь хахлы были чэхи-там // чэхи перэшли дальшэ / так абразавалась навахратка //* (Новоградка, Калачинский, Яндер А.И., муж., 1932 г. р. <...>, грам., чех, 2004 г.); по другим рассказам – из Бессарабии: *Отец з-бисарабии а-мать с-крыма / издалика / эта ф-читвёртом наверна не-е подождити ф-шыстом наверна или сидьмом ходах / так // давно //* (Репинка, Калачинский, Вондра А.А., жен., 1937 г. р., грам., чеш., 2004 г.)» [1, с. 282]. Далее исследователь констатирует: «Некоторые диалектоносители сознают, что они теряют народные традиции, забывают язык: <...> *Дома сразу разнаваривали чиста по-чэски ф-симьёе / на-чяли ф-школу хадить там-русский / значить плоха разнавариваем с-русским путаем слава //* (Воскресенка, Калачинский, Кадермас А.И., 1939 г. р. <...>, муж., грам., чех, 2004 г.). <...> *сичас ми ужэ пэрэмерли перэшли на-русский язык // ну я-то разнавариваю а-дэти мам нхсто //* (Новоградка, Калачинский, Вондра Э.И., 79 лет, 1925 г. р., жен., неграм., чеш., 2004 г.)» [1, с. 284–285].

В июне 2012 г. благодаря гранту, полученному в рамках Программы поддержки научно-образовательных проектов РГГУ (Москва), была предпринята экспедиция в вышеназванные деревни Омской области. Членами экспедиции, в которой, кроме автора статьи, участвовали Д.К. Поляков (РГГУ) и М.А. Харламова (ОмГУ им. Ф. М. Достоевского), был собран материал объемом около 8 часов аудиозаписей, отражающий современное состояние среднеприиртышского чешского говора (далее – СПЧ). Было опрошено 12 его носителей:

в Репинке – супруги Яндер Зинаида Васильевна и Петр Андреевич (оба 1938 г.р.), Вондра Анастасия Андреевна (1937 г.р.), Перетятко (урожд. Яндер) Мария Иосифовна (1956 г.р.);

в Новоградке – Шиллер Федор Антонович (1938 г.р.), его сестра Белявская Полина Антоновна (1935 г.р.), Липа Раиса Андреевна (1940 г.р.), Киселева (урожд. Вондра) Мария Иосифовна (1947 г.р.), Эйхгорн Елена Викторовна (1951 г.р.);

в Воскресенке – Кадермас Александр Иосифович (1939 г.р.);

в Омске – уроженки Новоградки Сычук (урожд. Яндер) Таисия Иосифовна (1951 г.р., сестра Перетятко М.И.) и Ишкова (урожд. Вондра) Елена Алексеевна (1953 г.р.).

Всего, по сведениям, полученным в местной администрации, в Репинском сельском поселении из 1700 зарегистрированных жителей (при 1500 фактически проживающих) в ходе переписи населения 2011 г. чехами себя заявили 86 человек. Разумеется, не все они являются носителями СПЧ; с другой стороны, в некоторых смешанных семьях супруги чехов, принадлежащие к другой национальности, в разной степени владеют этим говором, который в таких семьях может служить средством повседневного бытового общения. Таковы из охваченных нашим опросом семьи А.И. Кадермаса (супруга – урожд. Примак Галина Устиновна 1941 г.р., украинка) и Е.В. Эйхгорн, ср. из беседы с ней: *má druhá polovina, вона jako po náciji N'etec, no mluví po česki, mi doma mluvíme po česki* 'моя вторая половина, она по нации немец, но говорит по-чешски, мы дома говорим по-чешски'.

С информанткой, сообщившей М.А. Харламовой в 2004 г., что ее отец приехал в Сибирь из Бессарабии (и относившей переселение родителей к 1904 или 1906–1907 гг.), мы не встретились; другие же информанты в беседах с нами единодушно указывали в качестве территории, откуда в Среднее Прииртышье переселялись их предки, Запорожскую область Украины и, конкретнее, Мелитопольщину. Например, З.В. Яндер: *nu i tadi potom <...> našim prádedam nařezávali zem, i vot von'i se fševali, fševali... n'ákí bili na Ukrajin'e a n'ákí v Záporo... nu to je z Záporožja poprjžžđeli* 'ну и тут потом нашим прадедам нарезали землю, и вот они заселялись, заселялись... какие-то были на Украине, а какие-то в Запорожье, ну то есть из Запорожья поприезжали'; М.И. Киселева: *i našli sme tu vesn'ici M'eřitopol', hđe vot... naše žili rodiče... a jinač to (?) taki řikaji ne M'eřitopol', a Novohratka, jak naše rodiče žili v Novohratce, tak i tam taki řikali Novohratka, nu – meno vot takovi ma* 'и наши мы ту деревню Мелитополь, где жили наши родители, а иначе это называется не Мелитополь, а

Новоградка, как наши родители жили в Новоградке, так и там называют Новоградку, ну вот такое у нее название'.

Во втором извлечении речь идет о хорошо известном центре чешской диаспоры в Мелитопольском районе Запорожской области Украины – селе Новгородковка (укр. Новгородківка), основанном в 1869 г. чешскими колонистами и до 1946 г. именовавшемся Чехоград. Современные потомки переселенцев оттуда в Западную Сибирь напрямую связывают название своей Новоградки с послевоенным (советским) названием украинской родины их предков, ср. русскоязычное высказывание Е.В. Эйхгорн: *Новоградка почему? Я сейчас думаю так: когда в Запорожье жили чехи, там Новгородка (в фонетической записи [Ноўһаратка]) была. И когда вот некоторые семьи... выехали... вот они, я думаю, по той деревне назвали уже не Новгородка, а Новоградка (в фонетической записи [Наваһратка]), потому что даже мы еще переписывались с Запорожьем, и вот писали: деревня Новгородка. Ну и оттуда еще родственники приезжали, в восьмидесятых... При этом та же информантка, как и другие, указывают, что их *Novohratka je z dvanáctího roka, vesn'ice...* 'Новоградка двенадцатого года, деревня', а само переселение произошло годом раньше; ср. З.В. Яндер: *tisíc devjetset jedenáctim roku načali v Novohratce se fševal Čechi* 'в 1912 году в Новоградке начали поселяться чехи', но Ф.А. Шиллер: *наши когда родители в девятьсот одиннадцатом году приехали сюда, они сразу [т. е. сначала] остановились в Окопешниковском районе в Плетнёвке... а потом оттуда приехали в Воскресенку, немало пожили, и чехов с хохлами не взяла дружба... сюда переехали, и тут они облюбовали место... отец девятьсот одиннадцатого года, он здесь родился уже. В то же время при отчетливом осознании вторичности переселения их предков в Сибирь ряд информантов не исключает, что кто-то из них прибыл прямо из Чехии или, по крайней мере, родился в Чехии (часто именуемой Чехословакией), ср. З.В. Яндер: *on'i sem přijeli s Ukrajiní, n'ákí, a n'ákí s Čechijí* 'они приехали с Украины, некоторые, а некоторые из Чехии'; А.А. Вондра: *a starši tčeri, kerá bila s tisíc devjetset prun'ího, s tisíc devjetset druhího, třetího, ti se rodili f. Čechoslovákijí* 'а старшие дочери, которые были 1901-го, 1902-го, 3-го, они родились в Чехословакии'.**

Интересен рассказ А.И. Кадермаса: *Ój, jak naši rodiťeli sem přijeli... Přijeli ůon'i dříj na Ukrajinu – na a tam zemři bilo málo, zemn'e, tak ůon'i jeli do S'ib'ír'i. Nu a tadik S'ib'ír' je S'ib'ír', cholot, zima, a zemn'e bilo navalám. Nu ůot ůon'i tadik pocho... kak chodaki jezđili sem. Pochodřili, pochodřili, nu a potom jak? Zemn'e je*

hodn'e – nu z'ima, i medvedji chođeji... nu i rešili sem jet. Přijeli tam na Ukrajinu, jeli sem zasej. Nu jeli, kan'ešno... tadik nejedna s'emja bila... bili i Trpkošovi, i Kadrmasovi, i ešče jakisi fam'liji druhí bili... nu, Šileri bili taki, Čondrovi bili... A potom bil holot, i von'i se rvanuli na Kaukas... Nu, to bilo – já nevím... ešče do r'evoluciji... Nu i vot na Kaukázú tam ostali n'ákejch... n'áká rodn'a vostala, mamínka se s'n'ima přepisuvala, nu já točno adres nevím. 'Oj, как наши родители сюда приехали... Приехали они сначала на Украину – ну а там земли было мало, так они поехали в Сибирь. Ну а тут – Сибирь есть Сибирь, холод, зима, а земли было навалом. Ну вот они тут, как ходоки ездили сюда. Походили-походили, а потом что? Земли много – ну зима, и медведи ходят... ну и решили сюда ехать. Приехали туда на Украину, поехали сюда дальше. Ну, ехали, конечно... тут не одна семья была: и Трпкоши, и Кадермасы были, и еще какие-то другие семьи... Шиллеры были тоже, Вондры были... А потом был голод, и они рванули(сь) на Кавказ... Ну, это было – не знаю, еще до революции... Ну и вот на Кавказе там осталась какая-то родня, мать с ними переписывалась, но адрес я точно не знаю'.

Родственные связи чехов Среднего Прииртышья с кем-то из чешской диаспоры на Северном Кавказе, своеобразно объясняемые информантом, могли сохраняться со времен миграции части переселенцев из Чехограда в обоих направлениях, о чем в 1910 г. писал уроженец этой чешской колонии на Украине, впоследствии баптистский проповедник Ян (Иван Васильевич) Непраш: «Поселение Чехоград сейчас насчитывает 102 двора с 575 жителями. Около 50 семей уже выехало в Америку, на Кавказ, а в последнее время также в Сибирь» [2, с. 14]. Комментатор цитированной публикации А. Дрбал соотносит переезд группы поселенцев из Чехограда на Кавказ, в окрестности Новороссийска, с посещением Крыма Бедржихом Гейдуком, в 1867–1884 гг. агрономом Черноморского округа. Отъезд же семей, упомянутых нашим информантом, и, возможно, других в 1910–1911 гг. в Сибирь, несомненно, был связан с политикой развития земледелия в восточных регионах Российской империи, проводившейся правительством П.А. Столыпина.

Чешские колонии на Северном Кавказе возникали, начиная с 1868 г., в результате переселения чехов, происходивших, как нами было установлено в процессе изучения нынешнего северокавказского чешского говора их потомков под Новороссийском и Анапой (и показано в работе [3] и последующих), в основном из Южной Чехии. На территорию же Украины, напротив, прибывали еще с 1862 г. выходцы из Восточной

Чехии (по сообщению Я. Непраша, в южные районы Украины – из окрестностей городов Усти-над-Ораици, Литомишль и Високе-Мито); часть этих переселенцев, первоначально осевших в Крыму, позже перебралась под Мелитополь и в 1869 г. основала Чехоград (см. [2, с. 11, 14]). Ввиду этого у чехов в Омской области мы ожидали застать говор, возводящийся к северо-восточной подгруппе собственно чешских диалектов. Собранный материал, который, кроме аудио-файлов, включает 25 фотокопий записей чешских молитв, сделанных русскими буквами (у одной из них – с добавлением диакритического значка: ř) покойной Каролиной Кадермас в 1992 г., и других, в целом подтвердил наши ожидания.

Рассматриваемый говор, разделяя основные признаки собственно чешских диалектов прежде всего на уровне фонетики (ej < *y̅, i < *ě, ср. в записях молитв *Буг дух сватей, од брани пекелни* ~ чеш. лит. *od brány pekelné* 'от врат адских', *покажди* ~ чеш. лит. *rokaždě* 'всякий раз'; протетический **v** перед **o**-, утрата **l** после согласных в конце слова в случаях типа *řek < řekl* 'сказал' и др.), обнаруживает многие черты, общие для северо-восточных и центральных (среднечешских) говоров, в отличие от юго-западных, а также специфические северо-восточные особенности.

1. В области фонетики/фонологии

СПЧ демонстрирует в целом хорошую сохранность системы центральноевропейского типа, характеризующейся нефонологическим инициальным ударением и независимым от ударения фонологически значимым различием кратких и долгих гласных.

1. Сильное ударение на первом слоге слова или тактовой группы (в частности, переходящее с существительных, в том числе многосложных, и других слов на односложные проклитики-предлоги: *po vesn'ice* /!/ 'по деревне', *na Ukrajin'e*, но иногда также *do Prahi* и т. п.) осознается носителем как яркая черта их говора, распространяющаяся и на частотные в их чешском дискурсе русские лексемы. Ср. высказывание Е.В. Эйхгорн: *mi mluvíme uš... jen udar'en'je, slova ruskí a jen udar'en'je stavíme po druhím, mi – jak... vobrus'efši* 'мы говорим уже... только ударение, слова русские, а только ударение ставим по-другому, мы как... обрусевшие'. Действительно, инициализация ударения в русизмах – явление, обычное в СПЧ, ср.: *nu vot won'i tadik... kak chodaki jezđili sem... nu i rešili sem jet* 'ну вот они, как ходоки, ездили сюда... ну и решили сюда ехать', *i vot von'i se fšeřali, fšeřali...* 'и вот они вселялись, вселялись...', *potom uš stariki načali toho, umírat, a mlodoš...* 'потом

уже старики начали того, умирать, а молодежь...’, *a potom už fs’o, roctvo se končilo* ‘а потом уже все, родство кончилось’, *kiselka – kartoški dávaji tam, potom jak... po mojemu vajičko...* ‘киселка» – картошку туда кладут, потом, по-моему, яйцо...’ и т. д.

2. Краткость/долгота остается в СПЧ устойчивым различительным признаком гласных как в корневых, так и в аффиксальных морфемах. Факультативное сокращение долгих гласных, особенно **ū, ī** в конце слова, во флексиях и в отдельных суффиксах, считающееся характерной приметой северо-восточных и среднечешских говоров, в СПЧ хотя и отмечается (напр., *pjet klucu i štiri děvčata, devjet liďi* ‘пять мальчиков и четыре девочки, девять человек’, *s košičkem* ‘с корзинкой’, иногда и в корне: *mliko* ‘молоко’, *jist* ‘есть’ и др.), однако в целом не чаще, чем в среднем в диалектах на территории Чехии. Своеобразным, но опять-таки не отличительным для СПЧ выглядит сокращение **ī** во флексиях – в частности собирательных существительных на ***-ъje** – с одновременным продлением исконно краткого корневого **e** перед **l, ř** или другим шипящим, напр.: *Čechi pěři drali.. a pěřini sme ďáli* ‘чехи перо щипали, и перины мы делали’, *knedlički se zělím* ‘кнедлики с капустой’, *bjéžiš za n’imi* ‘бежишь за ними’.

3. В полном соответствии с состоянием в северо-восточных и среднечешских говорах (в отличие от юго-западных) дифтонгическое сочетание **ej** в СПЧ выступает также на месте ***ī** в позиции после свистящих согласных, напр.: *sejcha* ‘мешок для постели’ (чеш. лит. лексема *sícha* у информантки вызвала ассоциации с русским названием материала ‘тик!’), *sejtej* ‘они чувствуют’ (здесь с твердым **tl**), *blíska lesejka* ‘близ лесочка’, *na vozejkách* ‘на телегах’.

4. Отдельного внимания заслуживает колеблющийся статус фонемы /v/, в СПЧ способной вести себя и как шумная губно-зубная звонкая с оглушением в [f] перед глухим согласным (но, по-видимому, не в конце слова), и как сонорная губно-зубная, которая в конце слова всегда, а в остальных позициях часто бывает представлена губно-зубными вариантами [v] и [w]. Ср. примеры: *dřív* ‘раньше’ (при *nejdřív bíli..* ‘сперва были...’), *prvn’i* ‘первый’, *mladí děvčátka, ďeřčata* ‘молоденькие девочки, девушки’ (а также *duje ďeřčátka* ‘две девочки’, *se svítma dvořtma ďeřčatama* ‘со своими двумя девочками’); *přijeli fřicet sídmim roku, h noci* ‘приехали в тридцать седьмом году, ночью’ (= ‘в ночи’, где **h < w**, что отмечается в северо-восточных чешских говорах), но и *fřicet devjetset jedenáctim roku načali u Novohratce se poseřat Čechi* ‘в 1911 г. в Но-

воградке начали поселяться чехи’ (с утратой предлога перед числительным), *w rosadn’iku co roste?* ‘в огороде что растет?’, *jak vistřelej, tak to wejskali* ‘как выстрелят, так визжали’, *vona i z ďeřtíma po řeski mluvi, i s wnuakama po řeski mluvi* ‘она и с детьми, и с внуками говорит по-чешски’, *a won řikal, jak on to řek...* ‘и он говорил, как он это сказал...’ (по-видимому, с утратой **w** после согласного перед **o**); *kráwi wotpaseř...* ‘коров отпасешь...’, *newíte takoví?* ‘не знаете такого?’, *powídali, že držel jednu kobílu, u ta byla bez wocasa* ‘говорили, он держал одну кобылу, и та была без хвоста’, *vobuj se nazívá, wobliknouť na nohi nebilo co* ‘обувь называется, на ноги нечего было надеть’ (в *vobuj* наблюдается переход некогда мягкого **w** в **j**, встречающийся и в других случаях, ср. *pojďali* ‘говорили’, также в записях молитв: *nak se poíďa* ‘потом говорится’, т. е. ‘говорят’).

С [v] как вариантом фонемы /v/ в СПЧ идентифицируется и вторая часть дифтонгического сочетания **ou** < ***ū**, что красноречиво документируют записи молитв, где этот дифтонгoid последовательно передается русскими буквами как **ов**, например: *odповщíme* [otpořřčíme] ‘отпускаем, прощаем’, *posledne se ловчим swami* [posledn’e se lořčím s vami] ‘напоследок прощаюсь с вами’, *довфа душе ма в Господина* [dořfá duře má v hospořina] ‘уповает душа моя на Господа’, *полибени вровци* [políben’i vrořci] ‘горячий поцелуй’, *пřи совду* [pří sořdu] ‘на суде’, *Кристе Совдце* [křiste sořdce] ‘Христе Судия’, *кropicе свеценов водоев* [křopí se svjecenoř vodoř] ‘окропляется святой водой’, *про смртелноев овскост твоое* [pro smřtelnoř ořskost tvoř] ‘ради твоей смертной муки’ (но также *про смртелноев ускост*, как в чеш. лит. *pro smřtelnou úřkost*) и др.

На собственно чешской территории реализация фонемы /v/ в виде [v] и [w] свойственна северо-восточным диалектам, причем первый вариант в конце слова и перед согласным распространен достаточно широко, а второй в настоящее время отмечается лишь на периферии этой диалектной зоны. Поскольку, однако, такая реализация /v/ имеет явные украинские параллели и наблюдается также в русской речи носителей СПЧ, здесь можно говорить о сохранении северо-восточночешской особенности в благоприятствующих этому условиях внешнего воздействия. Впрочем, такие проявления этой особенности, как **w** перед гласным переднего ряда, тем более с переходом его в **j** в случаях типа *powídali > pojďali* (ср. также *já pídám* ‘я говорю’) или *obuj*, как и замена **w > h**, по-видимому, все же следует считать специфически северо-восточночешскими.

В речи одной информантки (А.А. Вондры) засвидетельствована и билабиальная реализация **l** в случаях *babička biwa tisíc vosumset vosumdesát vsmím roku* 'бабушка была в 1883 году' (т. е. года рождения), *taťineg bič tisíc devjetset třetím* 'папа был в 1903-м', что также фиксируется в периферийных говорах на северо-востоке Чехии.

5. Еще один более частный, но рассматриваемый обычно как характерный признак северо-восточных чешских диалектов, касающийся консонантизма (точнее, комбинаторики согласных), отражают в нашем материале только записи молитв: это диссимилиация **nn** > **dn** в *Мария падна* 'Дева Мария', встретившаяся в трех примерах (наряду с *про прѣмлуви благославлены Мариини* /!/*панни* 'ради заступничества благословенной Девы Марии'). Примечательны также такие случаи диссимилиации, как **sn** > **sm** в *рѣстѣчки* 'песни, песенки' (последовательно) и особенно частая дистантная метатеза плавных: *korovlat* (< *kolovrat*) 'прылка', *levorver u ruce*, *nabítej prudce* 'револьвер в руке, крепко заряженный' (строчка из песни, которую исполнительница – А.А. Вондра – переводит на русский так: *а ѱон наб'ил л'еворв'ер...*). Информант Ф.А. Шиллер же настаивает, что *фамилия наша раньше должна была быть Ширэл*, со следующей мотивировкой: *они все чешские* (в фонетической записи [чеш'ийе]) *фамилии должны через э писаться, а вы всех нас уже под немцев смягчили, под немцев* (в фонетической записи [пад'н'емцеф° см'ихч'ил'и, пад'н'емцеў]).

II. В области морфологии

1. Презентные формы 3-го л. мн. ч. глаголов типа *mluvit* 'говорить' и *střilet* 'стрелять' (с основой на *-í-* в других формах презенса) последовательно оканчиваются в СПЧ, как и в северо-восточных чешских говорах, на *-ej* либо с сохранением флексии как таковой на *-ej/-ej*, ср.: *mluvjej* 'говорят', *křičej* 'кричат', *držej* 'держат', *stavjej* 'ставят', *sejjej* 'чувствуют' (с твердым **t!**), *třílej / střilejí* 'стреляют', *vistřelej / vitřelej* 'выстрелят', *chodějí* 'ходят', *vidějí* 'видят'. Примеры из записей молитв: *не надали се то мнози же так музеї умржит брзи* [nenadáli se to mnozí, že tak musej umřít brzy] 'не ждали того многие, что они должны умереть так скоро', *спива се маї розловчит. а сповицей до гробу* [spívá se maj rozločit a sponicej do hrobu] 'поют (букв. поется), должны проститься и опускают в могилу'. Только у одного глагола засвидетельствована конкуренция этих форм с более распространенными сейчас на территории всей Чехии (ранее же – преимущественно на юго-западе) формами на *-í*, ср.: *děti rozum'ej* 'дети понимают', но

von'i jej votv'ečaji na ruskim, a rozum'et fšecko rozumí 'они ей отвечают на русском, а понимать все понимают'.

Формы 3-го л. мн. ч. глаголов типа *dělat* 'делать', как показывает уже ряд примеров выше, оканчиваются на *-aj/-ají*, а у других глаголов имеют окончание *-ouč*, что совпадает с состоянием во всех диалектах собственно Чехии. Ср.: *hodinu nebo dve ti nedaj, pak ti zas přinesouč rumku* 'час или два тебе не дадут, а потом опять поднесут рюмку', *n'egde se woddělujuč oddělno i tam uš sami sobje hulaj* 'где-то отделяются и там уже сами по себе гуляют', *тоуку там насипоу i rozmichaj to* 'муку туда насыпают и размешают', *rozmuchujuč i zalejuvají* 'размешивают и заливают' и т. д.

2. Одушевленность существительных в СПЧ продолжает регулярно выражаться только в единственном числе, причем в дательном и местном падежах ее маркером, как и в северо-восточных чешских говорах, служит особое окончание *-oj* < **-ow'i* (иногда здесь даже слышится скорее *-ouč*), ср.: *mladimu klukoj* 'молодому парню', *dědečkoj* (≈ *-ouč*) *řikali Antoš* 'деда звали Антош', *po taťinkoj* (≈ *-ouč*) *bila Janderova* 'по отцу она была Яндерова', из записей молитв: *слава отцу сину Сватыму духої*.

Существительные мужского рода на *-a* со значением лица имеют в творительном падеже единственного числа, как и в некоторых окраинных северо-восточных чешских говорах, окончание *-em*, ср. *Aneška z Honzem* 'Анежка с Гонзой', *jak mi sme jednouč jeli s tím, s Frantem Příbilovim* 'как мы однажды ехали с этим, с Франтой Пришибилом'.

Во множественном числе выражение одушевленности существительных мужского рода в СПЧ под влиянием чешско-русской, а ранее, возможно, также чешско-украинской интерференции разрушено. У существительных твердого типа особую форму им. п. мн. ч. с маркирующим одушевленность чередованием конечного согласного основы перед окончанием *-i* сохраняют только некоторые лексемы со значением лица или животного: *Čech – Češi* (наряду с *Čechi*), *hoch – hoši* и *kluk – kluci* 'парни', также *medujeđi* со смягчением конечного согласного; кроме того, в песне встретила форма *kamaráđi* 'друзья, товарищи', а в записях молитв, помимо книжной формы *гришницы* [hřišníci], в тексте, озаглавленном *Погребение малых детей в хату* /!/, показательный пример *сестрички а братрички* 'сестрички и братишки' с написанным поверх последней буквы окончанием *ове* и в следующей строке *школаци а спѣвачкове* 'соученики и певчие'. Формы на *-ове* (чеш. лит. *-ově*) явно не имели поддержки в говоре автора записи;

лишь форма *školáci* от *školák* с чередованием, как в *kluk – kluci*, могла найти в нем опору.

У существительных, не утрачивающих формы им. п. мн. ч. с чередованием конечного согласного основы, другие падежные формы мн. ч. также могут образовываться от основы с чередованием (что распространено и в северо-восточных чешских диалектах): тв. п. *s Češami* /!/, род. п. *pjet kluci* 'пятеро парней', вин. п. *na kluci dávali zem* 'на парней давали землю'.

Большей частью, однако, формы им. п. мн. ч. одушевленных существительных в СПЧ совпадают с исконными формами вин. п. мн. ч., ср.: *ježiški chodili* 'иисусики ходили' (разносящие детям рождественские подарки), *na svarbje kluci... bili jak oficanti* 'на свадьбе парни были как официанты' (без смягчения *t*), *dva sini umřeli* 'двое сыновей умерло' и *dva sini mn'el* 'двоих сыновей имел' и т. п. Лишь изредка под влиянием русского языка наблюдается выражение одушевленности в форме вин. п. мн. ч., которая может совпасть с формой род. п., причем не обязательно у существительного мужского рода, например: *jednu nedeli kluci nás šmrkostovali, d'efčat* 'в одно воскресенья парни стегали прутьями нас, девчат' (здесь явно имеет место аналогия с совпадающими формами род. и вин. п. местоимения 1-го л. мн. ч.).

Формы им. п. мн. ч. всех разрядов адъективных слов при согласовании с одушевленными существительными, даже сохраняющими показатель одушевленности в данном падеже, в СПЧ обычно равны формам вин. п. мн. ч.: *starí Češi* 'старые чехи' и *jední Češi* 'одни чехи', *mi rodiče roždóni soč tedik* 'мои родители рождены тут', *mládenci fšechni, kluci... fšechni bili s tejma...* 'все молодые люди, парни, все были с этими...' при единичном случае *a ti kluci nosili na stoli* 'и эти парни носили на столы' (со смягчением *t*!).

3. Притяжательные прилагательные в СПЧ, кроме форм им. п. ед. ч. муж. рода и форм, обозначающих принадлежность к семье, имеют полные флексии, напр.: *fčeras bila maminčina a neskej uš(s)eš Kolíčková* – свадебная песня, в переводе исполнительницы: 'раньше ты была мать, а теперь ты уже Колина', *taťínkovoč babičku já sem nazivala babus'a... a svoč babička, maminčinoč jako* 'папину бабушку я называла бабуся, а свою – бабушка, мамину то есть', *jedna babička naše bila, s taťínkovej strani, wona bila chachluška, a s mamink'inej strani babička bila čisto Češka* 'одна бабушка наша была, с папиной стороны, она была хохлушка, а с маминой стороны бабушка была чисто чешка' (с устранением чередования *k – č* перед суффиксом притяжатель-

ного прилагательного *-in-* в последнем случае).

Формы, выражающие принадлежность к семье и служащие также «домашними» фамилиями, в СПЧ, как и в северо-восточных чешских говорах, дифференцируются в единственном числе по родовому признаку. Формы мужского рода в им. п. ед. ч. оканчиваются на *-ú* (*d'ed bil Vondrú* 'дед был Вондра') и склоняются, сохраняя отчасти краткие именные флексии: *u Franti Širilova* 'у Франты Шиллера', *s Frantem Příbilovim* 'с Франтой Пришибылом'. Формы же женского рода в им. п. ед. ч. оканчиваются на *-ová*; при этом в речи М.И. Перетятко фигурируют девичьи фамилии на *-ova* с кратким гласным во флексии: *D'eviči, da? Pohořelova... a po taťínkoj bila Janderova* 'Девичья, да? Погоржелова, а по отцу она была Яндерова'.

Эта дифференциация мужских и женских «домашних» фамилий является важной частью языкового сознания носителей СПЧ. Вот как говорит об этом Е.А. Ишкова: *Я всегда говорила, что мужская фамилия не склоняется, а... ну и у нас всегда говорили, taki babička bila pan'í Vondrová... d'ed bil Vondrú, a nám porád říkali Vondra... Вот на уроке... а я всегда оскорблялась... popravuji, že Vondrová, nu... А Т.И. Сычук продолжает, перечисляя вначале женские фамилии в русском звучании: *Vondra, Jander, Příbil, Kadřemas... a mi sme tak říkali: Kad(e)rmasová, (Příbil)ová...* Этим фамилиям она противопоставляет мужские: *Kadřemasú, Vondrú... a d'efčata – Vondrová, Kadřemasová*.*

Семью в целом или нескольких ее членов в СПЧ обозначают формы мн. ч. на *-ovi* с кратким гласным во флексии им. п., ср.: *bili i Trpkošovi, i Kadřmasovi, i ešče jakisi fam'liji druhi bili* 'были и Трпкоши, и Кадермасы, и еще какие-то другие семьи', *naše taťínki bili dva bratra, Vondrovi* 'наши отцы были два брата, Вондры'.

III. В области синтаксиса

1. Сохраняется исконно чешская посессивная конструкция с личными формами глагола *mít* 'иметь', доминирующая в сравнении с проникающей из русского языка исходно локализирующей конструкцией «у кого-либо есть». Ср., однако, переход от первой ко второй в смешанном чешско-русском высказывании А.А. Вондры: *i Helena nemn'ela deťi taki... u y Leny даже не было детей... a y tex вот, y всех вот – у моей матери десять, десять детей, осталось пять, desed deťú, tak po česki říct... u Karolíni vosum, u Barči vosum, vot, u Barči vosum deťú... i fšechni vosum deťú, fšechni soč tetkej ešče živi*. Попутно можно заметить, что и конструкция с предикативным прилагательным *fšechni soč ešče živi* 'все еще живы', и безактантное употребле-

ние инфинитива в *tak po česki říct* 'так по-чешски сказать' обязаны русскому влиянию (лит. чеш. соответственно *všechny ještě žijí i tak se to říká/řekne česky*).

2. В целом сохраняется присущая чешскому языку тенденция, с одной стороны, к подстановке в позицию формального субъекта указательного местоимения, а с другой – к заполнению позиций объектных актантов конкретизирующими личными местоимениями, ср.: *a/ vot taková to bilo u nás* 'вот так у нас было' (букв. 'вот такое это было'), *vot zrouna to vi... viltává to s pam'eti* 'вот как раз вы... вылетает из памяти' (букв. 'вылетает это'), *i tak polučá se to, že...* 'и так получается, что...' (букв. 'и так это получается'), *b/ nu (w)on povídal: napíšu, pošlu – i cosi neposílá jí* 'ну он говорил: напишу, пошлю – и что-то не посылает' (букв. '... её', речь об обещанной книге), однако также: *wotkril kolbasný cex, děl kolbasu i vozil na bazar* 'открыл колбасный цех, делал колбасу и возил на базар' и т. п.

3. Наблюдается дифференцированное выражение должествования при помощи личных форм чешских модальных глаголов *muset* и *mít*, с одной стороны, и безличного русского модального предикатива *nada* – с другой. Ср.: *a di se mn'eli... mladá pára hubičkovat, vot vitřejeji a i mladí se hubičkujou...* 'а когда должны были... молодая пара поцеловаться, вот выстрелят – и молодые целуются' (*mn'eli* подразумевает соответствие установленному распорядку), *teť se křičí „hor'ka!“, a u nás nebilo za... abi křičeli, a vot vitřejeji – i museli se hubičkovat* 'теперь кричат «горько!», а у нас не было за[ведено], чтобы кричали, а вот выстрелят – и они должны были поцеловаться' (*museli* подразумевает внутренне осознанную необходимость, обусловленную внешними обстоятельствами), *já sem i sem přijela, protože kravičku nada držet – v rajon'e, tam kravičku nebudeš...* 'я сюда и приехала потому, что коровку надо держать – в районе, там корову держать не будешь'.

4. Имеет место конкуренция возвратных деагентивных конструкций с глаголами обоих видов и обобщенно- или неопределенно-личных предложений с формами 2-го лица ед. ч. и 3-го лица мн. ч. смыслового глагола, картина которой заметно отлична от ситуации в диалектах на основной территории распространения чешского языка, подробно исследованной Д.К. Поляковым в работе [4]. В данном отношении весьма показателен диалог информантки А.А. Вондры с опрашивающей М.А. Харламовой, недостаточно

владеющей чешским языком, о чешских кушаньях и о приготовлении супа «киселачка»: *Бл'уда? У чехоу... ýom tak'uije: halušky, knedlíčky... poltýka kiselačka vaří se... vaří se... – Varžu сэ? – Vaří se... nu, eap'ucca... Вот знайем'е, к'иселачка как eap'ucca? Vot, já vám to... nu, já to řeknu po česki... Tuuče se másco... potuuče se másco, vileje se, másco se ubere... uvařej se kartoški, trošičku ve vođe se uvařej a potom... takovej listejček /!/ narežeš, knedlički hodíš... uvaříš... maso se podžáří, zaleješ... <...> Вот я вам – ну, я по-чешски скажу (букв. это). Сбивают масло... собьют масло, выльют, масло убирают... сварят картошку, немножко в воде сварят, а потом... такой листочек нарежешь, кнедлички бросишь, сваришь... мясо поджаришь, зальешь...' Ср. также из рассказа Ф.А. Шиллера о свадьбе: *v dvanáct... hodín noci zdělavali ujenek... vot podle... jak se zdělá ujenek – potom požalujsta...* 'в 12 часов ночи снимали венки... вот после, как снимут венки – потом пожалуйста...'*

Рассмотренные черты далеко не исчерпывают своеобразие среднеприиртышского чешского говора, работа по описанию которого, безусловно, требует продолжения. При этом уже и ряд обозначенных выше признаков, таких как выражение должествования и средства устранения семантического субъекта из структуры предложения, показывают, что особый интерес в СПЧ представляют явления, в которых отражается, с одной стороны, исходная для носителей данного идиома чешская, а с другой – в той или иной мере усвоенная ими русская языковая картина мира.

ЛИТЕРАТУРА

- [1] Харламова М. А. Этническая самоидентификация и ее показатели в диалектном тексте // Ученые записки Казанского государственного университета. Гуманитарные науки. 2009. Т. 151. Кн. 3. С. 281–287.
- [2] Nepřaš J. Čechové na Krymu i osada Čechohrad // Informační věstník občanského sdružení Exulant. 2008. № 1. Č. 25. S. 11–16.
- [3] Скорвид С. С., Третьякова И. В. «Тут жил Кирилл, а там – Мефодий...», или Чехи под Новороссийском // Язык, сознание, коммуникация. М., 2009. Вып. 38. С. 40–54.
- [4] Poljakov D. Je to blízko, co by kamenem dohodil: Deagentní věty s 3.sg. ve spisovné češtině a v českých nářečích // Slavistika v moderním světě (Konference mladých slavistů III). Červený Kostelec, 2008. S. 311–323.